

Сущность, причины и виды непереводимости

Д.М. Бузаджи, А.В. Ковальчук

Научно-популярные работы по самой своей природе стоят между миром ученых и миром неспециалистов, которых так или иначе интересует данная научная тематика. Возможно, кому-то кажется, что научно-популярные жанры по сравнению со строго научными являются «низкими»: наблюдения поверхностнее, изложение проще, объем цитирования скромнее. Но на деле научно-популярная работа может оказаться гораздо полезнее и даже честнее своего формально научного собрата. В научно-популярном стиле труднее спрятать банальность мысли за наукообразием, а проблематика рассчитанной на относительно широкую аудиторию статьи волей-неволей должна быть актуальной и интересной. Да и потом, без популяризирующих каналов даже самые значительные научные достижения, особенно если речь идет о гуманитарной сфере, могут остаться обществом незамеченными.

В настоящей работе мы попытаемся пристально и отчасти по-новому взглянуть на один из старейших и важнейших

вопросов переводоведения — на проблему переводимости¹.

Хотя научно-популярная статья не требует преамбулы с указанием актуальности, новизны, практической значимости и т.д., мы считаем необходимым кратко пояснить, почему и зачем занялись этой темой. Формально достаточно было бы констатировать, что в научной литературе по вопросу переводимости консенсуса нет (а значит, вопрос нельзя считать закрытым). С одной стороны, классики отечественного переводоведения почти единогласно обосновывают позицию принципиальной переводимости². При этом, разумеется, никто не отрицает того

¹ Словарную статью «Проблема переводимости/непереводимости» см. в: Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. — М.: Флинта, Наука, 2003. — С. 166–167.

² См., например: Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). — М.: Высш. шк., 1983. — 303 с.; Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. — М.: ЛИБРОКОМ, 2012. — 216 с.; Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). — М.: Междунар. отношения, 1975. — 240 с.; Гарбовский Н.К. Теория перевода: Учебник. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. — 544 с.; Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. — М.: Р.Валент, 2011. — 408 с.

факта, что при переводе неизбежны определенные потери:

Принципиальная возможность общения, несмотря на частичную утрату передаваемой информации, указывает на некорректность «теории непереводимости»... Утверждение, что «перевод невозможен», основывалось на ложной предпосылке, что переводом можно считать лишь текст на другом языке, который полностью тождествен оригиналу, а если что-то утрачено, то это уже не перевод... Нет никаких оснований требовать от межъязыковой коммуникации, чтобы она осуществлялась без каких-либо потерь информации, столь характерных для коммуникации «одноязычной». В современном переводоведении признается принципиальная переводимость релевантной части содержания оригинала при возможных опущениях, добавлениях и изменениях отдельных элементов передаваемой информации³.

О том же самом говорит и здравый смысл. Разве сама переводческая деятельность, осуществляемая на протяжении тысячелетий, не опровергает концепцию непереводимости? Можно сколько угодно рассуждать о непознаваемости сущего, но это вряд ли способно поколебать основы естественных наук и подорвать доверие к экспериментальным методам.

Однако, несмотря на, казалось бы, очевидную бесперспективность возражений против переводимости, они по-прежнему из научного и околонучного обихода не исчезают. Приверженцы теории непереводимости требуют от переводчика воспроизвести «совокупность всех формальных элементов подлинника при сохранении их смысловой и стилистической роли»⁴, однако вслед за В. Гумбольдтом объявляют подобную задачу невыполнимой⁵.

³ Комиссаров. Указ. соч. — С. 54.

⁴ Федоров. Указ. соч. — С. 95.

⁵ Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней). — М.: Флинта, МПСИ, 2006. — С. 139

Именно В. Гумбольдт на рубеже XVIII–XIX веков впервые достаточно определенно высказал мысль о принципиальной непереводимости оригинального текста (всякий перевод есть «попытка разрешить невыполнимую задачу»), а причину, по которой переводчик «неизбежно должен разбиться об один из двух подводных камней», объяснял так: «каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, из пределов которого можно выйти только в том случае, если вступить в другой круг»⁶.

Пессимистические воззрения Гумбольдта на возможность преодолеть переводческие трудности впоследствии укоренились в работах не одного поколения ученых и мыслителей, убежденных в справедливости теории принципиальной непереводимости. Так, немецкий философ Ф. Шлейермахер утверждал, что перевести книгу на другой язык — это все равно как написать «портрет человека, если бы мать родила его от другого отца»⁷; а из гипотезы Сепира-Уорфа (согласно которой языки по-разному членят внеязыковую действительность⁸) следует, что «содержание мысли, выраженной на одном языке, не может найти соответствия в другом»⁹, а значит, не может существовать и перевод.

В отечественной классической традиции одним из самых видных сторонников непереводимости был А. Потенбня, высказывавшийся на эту тему так:

⁶ Цит. по: Звегинцев В.А. История языкознания XIX — XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. — М.: Просвещение, 1965. — С. 230.

⁷ Шлейермахер Ф. «О разных методах перевода». Лекция, прочитанная 24 июня 1813 г. — Пер. Н.М Берковской. — ВМУ. Филология. № 2, 2000. — С. 145.

⁸ Подробнее о гипотезе Сепира-Уорфа см. в: «Новое в лингвистике». Вып. 1. — Составление, редакция и вступительная статья В. А. Звегинцева. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. — С. 111–134; критику этой концепции см. в: Теория и критика перевода. — Под ред. Б.А. Ларина. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. — С. 12–13.

⁹ Раренко М.Б. Основные понятия англоязычного переводоведения: Терминологический словарь-справочник. — М.: ИНИОН РАН, 2011. — С. 222.

Анализ практики

Если слово одного языка не покрывает слова другого, то тем менее могут покрывать друг друга комбинации слов, картины, чувства, возбуждаемые речью; соль их исчезает при переводе; остроты непередаваемы. Даже мысль, оторванная от связи с словесным выражением, не покрывает мысли подлинника. И это понятно. Допустим на время возможность того, что переводимая мысль стоит перед нами, уже лишенная своей первоначальной словесной оболочки, но еще не одетая в новую. Очевидно, в таком состоянии эта мысль как отвлечение от мысли подлинника не может быть равна этой последней¹⁰.

Вспомним и знаменитое эссе американского философа У.В.О. Куайна «Перевод и значение», в котором постулируется принцип неопределенности перевода¹¹. Согласно этому принципу, реципиент никогда не может быть полностью уверен в том, что верно понял мысль говорящего. Причем чем дальше высказывания отстоят от тех, что непосредственно обусловлены невербальными стимулами, тем неопределенность выше¹².

Утопическим занятием является намерением названа деятельность переводчика в эссе Х. Ортеги-и-Гасета «Нищета и блеск перевода». Испанский философ-идеалист убежден, что перевод «сам по себе невозможен и всегда останется чистой претензией, ложным замыслом и беспомощным жестом»¹³. Для американского философа Дж. Стайнера перевод – «желательное и возможное, но вместе (с тем – Д.Б., А.К.) загадочное и бесконечное предприятие. Как всякая деятель-

ность толкования, он обречен всегда остановиться на полпути»¹⁴. Роман Якобсон не без иронии отмечает: «И в практике, и в теории перевода предостаточно запутанных проблем, и время от времени делаются попытки разрубить Гордиев узел, провозглашая догму непередаваемости»¹⁵.

Кстати говоря, современные исследователи, наиболее сочувственно относящиеся к немецким романтикам и вообще к философскому и филологическому направлениям в переводоведении, часто оказываются сторонниками буквализма и одновременно дескриптивной «толерантности». Этот вопрос заслуживает отдельного исследования, но пока что выдвинем гипотезу о том, что идеи непередаваемости часто соседствуют (а может, и состоят в причинно-следственной связи) с отказом от объективных критериев оценки перевода, со своего рода постмодернистским релятивизмом. То есть, если перевод в принципе невозможен, стало быть, невозможно и объективно отделить хорошие переводы от плохих. А поскольку на практике переводы существуют, то можно отдавать предпочтение любым, даже самым сомнительным и/или идеологически ангажированным из них. Более того, если понять истинное коммуникативное намерение отправителя невозможно, тем меньше у переводчика оснований для каких бы то ни было преобразований, что предопределяет установку на буквализм (отсюда же, кстати, можно вывести и оправдание самой тенденциозной вольности)¹⁶.

¹⁴ Библихин В.В. Слово и событие. Писатель и литература. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. – С. 131.

¹⁵ Якобсон Р.О. О лингвистических аспектах перевода. – Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: Сборник статей. – Вступительная статья и общая ред. перевода В.Н. Комиссарова. – М.: Междунар. отношения, 1978. – С. 363.

¹⁶ Такого же мнения придерживается С.А. Семко: «Заумь обладает почти стопроцентной переводимостью, так как ее легко заменить равноценной по эффекту заумью, а то и просто транслитерацией» (Семко С.А. и др. Проблемы общей теории перевода. – Таллинн: Валгус, 1988. – С. 104).

¹⁰ Потебня А.А. Эстетика и поэтика. – М.: Искусство, 1976. – С. 263–264.

¹¹ Критику его концепции см. Тетради переводчика. Вып. 16. – Под ред. проф. Л.С. Бархударова. – М.: Междунар. отношения, 1979. – С. 21–29.

¹² Quine W. van O. Translation and Meaning. Word and Object. – Cambridge, MA: The MIT Press, 1960. – P. 78.

¹³ Ортега-и-Гассет Х. «Дегуманизация искусства» и другие работы. – Эссе о литературе и искусстве. Сборник. Пер. с исп. – М.: Радуга, 1991. – С. 518.

Впрочем, уместность настоящей статьи определяется не только перипетиями научных дискуссий, но и, как нам кажется, своего рода «бытовым запросом». Широкая общественность (не говоря уже о журналистах, литераторах, редакторах, филологах, заказчиках переводов и т.д.) охотно рассуждает на тему «непереводимых» текстов, слов, шуток, названий и т.п. Или же, напротив, ожидает стопроцентно адекватного (верного, удачного, полноценного) перевода там, где на него не следовало бы рассчитывать в принципе. Мы попытаемся охарактеризовать проблему переводимости в целом и предложить здравые критерии для оценки различных текстов с этой точки зрения. И хотя работа в нынешнем виде носит научно-популярный характер, мы полагаем, что некоторые ее положения смогут задать импульс и чисто научному исследованию.

Сущность непереводимости

Исследователи, пишущие о переводимости и непереводимости, рассматривают эту проблему с разных точек зрения и поэтому далеко не всегда подразумевают под этими терминами или квазитерминами одно и то же. Так, хорошо известна позиция Дж. Кэтфорда, который предложил различать лингвистическую и культурную непереводимость¹⁷. Первая объясняется расхождением формальных элементов исходного (ИЯ) и переводящего (ПЯ) языков. Вторая — отсутствием в культуре ПЯ тех или иных понятий, релевантных для текста оригинала (то есть, по сути, лакунами и реалиями)¹⁸.

Еще один классификационный признак — объем единицы анализа. Исследователи говорят о непереводимости как отдельных слов и грамматических категорий, так и устойчивых сочетаний, текстов и языков в целом. Как правило, сходятся на том, что если непереводимость и может фиксироваться на уровне отдельных и относительно маленьких единиц, то на уровне текстов, а тем более языков эта проблема снимается¹⁹.

Наконец (хотя, безусловно, этот перечень можно продолжать и дальше), большую или меньшую непереводимость приписывают конкретным жанрам вербальной коммуникации и даже конкретным парам — точнее говоря, типам пар — языков. Широко известно высказывание Р. Якобсона: «В поэтическом искусстве царит каламбур или... параномазия, и независимо от того, беспредельна эта власть или ограничена, поэзия по определению является непереводимой. Возможна только творческая транспозиция, либо внутриязыковая — из одной поэтической формы в другую, либо межъязыковая — с одного языка на другой, и, наконец, межсемiotическая транспозиция — из одной системы знаков в другую, например, из вербального искусства — в музыку, танец, кино, живопись»²⁰. Что же касается пар языков, то обычно большую непереводимость ожидают увидеть при переводе на язык, культура носителей которого принципиально отличается от культуры носителей исходного языка. «Бесполезно пытаться переводить, например, “Капитал” К. Маркса на языки племен, недавно “открытых” в джунглях Амазонки или Малайского архипелага»²¹.

¹⁷ Catford J. C. A Linguistic Theory of Translation: An Essay in Applied Linguistics. — Oxford: Oxford University Press, 1965. — 103 p.

¹⁸ Мнения по этому вопросу расходятся: «Лакуны в языковой системе... не являются принципиальным препятствием для перевода» (Прунч Э. Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической. — М.: Р.Валент, 2015. — С. 37).

¹⁹ Сходные идеи выражены в работе Семко С.А. Лекции по теории перевода: Учебное пособие. — Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2005. — С. 24.

²⁰ Якобсон Р.О. Указ. соч. — С. 24.

²¹ Семко С.А. и др. Проблемы общей теории перевода. — Таллинн: Валгус, 1988. — С. 87.

Анализ практики

Итак, наметим общими штрихами, с каких позиций будем рассматривать непереводимость мы. С самого начала подчеркнем, что непереводимость, на наш взгляд, не следует смешивать с непереуведенностью. Иными словами, не должно признаваться непереуведимым то, что перевести можно, даже если это очень трудно. Так, вопреки расхожему выражению мы полагаем, что в большинстве случаев не стоит считать непереуведимой игру слов и тому подобные явления. Возможно, какому-то переводчику, работавшему в определенных условиях и временных рамках, успешно передать каламбур не удалось, но само по себе это не означает, что удовлетворительное решение не могло быть найдено в принципе. Подытожим: исследование о непереуведимости — это совсем не то же самое, что исследование о трудностях перевода.

Далее, мы полагаем, что о непереуведимости стоит говорить только на уровне целых текстов. Здесь мы следуем давно сложившейся в отечественном перевоуведении традиции, разграничивающей перевод (текста) и передачу (того или иного фрагмента или явления) в переводе. Можно со всей уверенностью утверждать, что никакие два слова (даже взятые отдельно, без учета грамматических отношений, в которые они входят) разных языков — не исключая терминов, интернационализмов и т.п. — не являются единственными и исчерпывающими эквивалентами друг друга. И если бы перевод проходил в области языка, а не речи, непереуведимость была бы всеобщей и непреодолимой. Однако переводятся не языковые явления, а речевые произведения, в которых переводчик имеет дело не с абстрактными парадигмами значений, а с контекстно обусловленными смыслами. Таким образом, рассуждения о перевоуведимости и непереуведимости, на наш взгляд,

оправданны только в применении к целым текстам.

Из этого, однако, не следует, что непереуведимость — понятие абсолютное и обуславливающееся непременно всем текстом в целом. Мы полагаем, что непереуведимость может быть и относительной (то есть один текст может быть более перевоуведим — или непереуведим, — чем другой²²), а способствовать ей могут не только общие параметры текста, но и конкретные явления в нем. Возможно, следуя логике дихотомии «перевод — передача», такие явления стоило бы называть непереуведаемыми.

Однако, прежде чем переходить к конкретным наблюдениям, примерам и факторам, необходимо ответить на главный вопрос, который незримо присутствует в любом разговоре о непереуведимости. Если непереуведимостью — это невозможность быть переведенным, то исследовать ее можно только после того, как будет указано подразумеваемое в данном случае определение перевода.

Очевидно, что чем более максималистским оно будет, тем больше пространства останется для непереуведимости, и наоборот. Если исходить из определения Л.С. Бархударова («Переводом называется процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания, то есть значения»²³), то непереуведимость придется признать абсолютной, поскольку сохранения неизменного значения при переводе не бывает. Можно встать на дескриптивистскую позицию и, например, вслед за Г. Тури полагать, что «минимальное требование (к переводу — Д.Б., А.К.) состоит в том, чтобы текст претендовал

²² Эта же мысль выражена в работе: Catford J.C. Op. cit. — P. 93; о факторах, влияющих на степень перевоуведимости текста, см. шесть законов перевоуведимости Ван ден Брука в: Shastri P.D. Fundamental Aspects of Translation. — New Delhi: PHI Learning Private Limited, 2012. — P. 4.

²³ Бархударов Л.С. Указ. соч. — С. 11.

на статус перевода и принимался в культуре переводящего языка (заказчиком и/или читателями) в качестве такового, чтобы текст считался соответствующим доминирующим переводческим нормам» (перевод наш — Д.Б., А.К.)²⁴. В этом случае проблема непереводаемости, напротив, практически исчезнет: ведь по этой логике переводимо все, что переведено и признано переводом.

В том, что мы увязываем понятие непереводаемости с конкретным определением перевода, нет для нашей позиции ничего странного или уязвимого. В какой-то мере все, что говорится и пишется о переводе, имеет смысл только в рамках принятого автором (и его адресатами) представления о сущности переводческого процесса. Например, рекомендация представителя функционально-коммуникативного подхода при переводе с английского языка на русский ставить рему в конец предложения и передавать некоторые подлежащие обстоятельствами — как бы солидно она ни была обоснована — не будет воспринята представителем буквалистического подхода, для которого примат формы важнее совпадения коммуникативных эффектов и который сам разговор о коммуникативных эффектах считает почти что шарлатанством. А последовательно стороннику теории скопоса разговор о месте ремы и подлежащих с обстоятельственным значением вообще должен казаться неважным, поскольку его интересуется в первую очередь и не форма, и не коммуникативные особенности оригинала, а ожидания заказчика. На самом деле гораздо более шаткими представляются работы не совсем последовательных теоретиков, чьи рекомендации кажутся совершенно оторванными от постулируемого ими — или принимаемого за само собой разумеющееся — понимания перевода.

²⁴ Chesterman A. *Memes of Translation: The Spread of Ideas in Translation Theory*. — Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1997. — P. 62.

Определение перевода

В целях экономии места и обеспечения оптимального для научно-популярной статьи темпа подачи информации сразу же приведем определение перевода, на которое мы будем опираться в ходе дальнейших рассуждений. Это определение дал один из авторов настоящей статьи, сформулировав его так: «Переводом мы предлагаем считать текст на переводящем языке, призванный воспроизвести максимум коммуникативно релевантной информации, содержащейся в тексте на исходном языке, с учетом ее относительной коммуникативной ценности»²⁵.

Разумеется, в чисто научной работе подобному решению должен был бы предшествовать сравнительный анализ различных определений и объяснение критериев, по которым сделан окончательный выбор. В какой-то мере подобный анализ уже был осуществлен в статье, из которой позаимствовано приведенное выше определение. Кроме того, нам представляется, что это определение имеет достаточно универсальный характер, чтобы вытекающие из него выводы о границах переводаемости сохраняли актуальность и применительно ко многим другим определениям, данным в русле функционально-коммуникативного подхода. На самом деле это определение нами будет использовано лишь как общий принцип, предполагающий, что сущность перевода неразрывно связана с вычленением коммуникативно релевантной информации (КРИ)²⁶ в тексте на ИЯ (которая может быть абсолютно любой) и максимально полном ее воспроизведении на ПЯ.

²⁵ Бузаджи Д.М. К вопросу об определении понятия «перевод». // Мосты. Журнал переводчиков. № 2 (30). — М.: Р.Валент, 2011. — С. 52.

²⁶ Подробнее об этом понятии см. Там же. — С. 52–53.; Шпербер Д., Уилсон Д. Релевантность. — Новое в лингвистике: Сб. статей. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. — М.: Прогресс, 1988. — С. 212–257.

Теоретически этот принцип может сразу же вызвать критику: почему мы говорим о вычленении, тем самым заранее отказываясь от полной передачи всей информации или хотя бы всей КРИ? Ответ очевиден любому практикующему переводчику и лингвисту. В каждом речевом сообщении заложен огромный набор смыслов, причем большинство из них не отбирались отправителем осознанно и целенаправленно, а обусловлены определенными лингвистическими и экстралингвистическими конвенциями (как тут не вспомнить еще одно знаменитое изречение Якобсона о том, что «основное различие между языками состоит не в том, что может или не может быть выражено, а в том, что должно или не должно сообщаться говорящими»²⁷). И передать их все на другом языке, не привнеся новых, невозможно в принципе.

Возьмем непритязательную фразу: «Павленко пошел в ЖЭК узнать насчет света». В большинстве случаев при переводе на английский она будет выглядеть примерно как “Pavlenko went to the office of the maintenance company to ask about the electricity”. Однако, помимо той информации, которая наличествует в этом английском варианте, из оригинала мы знаем, что Павленко – мужчина. Что, судя по фамилии, он, возможно, имеет украинские корни. Что в ЖЭК он отправился пешком. Что в момент речи он туда, возможно, еще не дошел (есть информация лишь об уходе и цели). Что говорящий, возможно, представитель старшего поколения (поскольку аббревиатура ЖЭК в современном русском обиходе уже не используется). Что «свет» хотя и значит в разговорной речи «электричество», также мог бы означать и «освещенность» или «мир». И т.д., и т.п. Само собой, вариант перевода “Pavlenko

(a man, possibly Ukrainian) went on foot (but possibly never arrived) to the office of the maintenance company (here referred to using an old Soviet-time abbreviation) to ask about the electricity (or light, or the world)” был бы абсурден (не говоря уже о том, что всей информации, которую можно извлечь из русского оригинала, он все равно далеко не покрывает).

В изначально предложенном нами варианте перевода сохранена только та информация, которая, не противореча стилю оригинала, нужна нам для понимания ситуации. Разумеется, набор передаваемых смыслов зависит от контекста. Скажем, если в пресуппозиции у нас действительно присутствуют Павленко-мужчина и Павленко-женщина (например, брат и сестра), в переводе подлежащим могло бы быть *the brother*. Если бы важен был способ передвижения, вместо *went* могло бы быть *walked* и т.д. Однако отбор наиболее релевантных элементов имел бы место в любом случае, потому что задача сохранить в переводе всю потенциально считываемую информацию, в том числе стилистическую, неисполнима. Таким образом, наличие в тексте второстепенной информации, вынужденная потеря и добавление которой не мешает передаче первостепенной информации, является залогом принципиальной переводимости.

Повышенная определенность мотивировки

Трудности начинаются, когда коммуникативно релевантными оказываются сразу несколько смысловых пластов, разнородных, но выраженных одновременно одними и теми же фрагментами оригинала. Строго говоря, как только текст начинает сдвигаться по шкале «общезыковое – авторское» в сторону авторского, а его функцией перестает быть исключительно сообщение фактической информации, в

²⁷ Якобсон Р.О. Взгляды Боаса на грамматическое значение. – Избранные работы. Составление и общая ред. В.А. Звегинцева. – М.: Прогресс, 1985. – С. 231–239.

нем появляются «кандидаты на непередаваемость». Однако до определенного момента переводчики справляются с этими явлениями довольно легко: так, английскую фразу вроде “She spoke so much I couldn’t get a word in edgewise” переводчик почти автоматически передаст как «Она мне и рта не дала раскрыть» и даже не подумает, что фактическую информацию о невозможности высказаться здесь приходится передавать вкупе с информацией о разговорном стиле речи и, возможно, с легкой негативной оценкой.

Таким образом, чаще о непередаваемости начинают говорить, когда дело доходит до таких явлений, как каламбур, фразеология, рифма (и поэзия в целом) и т.д. Впрочем, в рамках функционально-коммуникативного подхода и эти явления в большинстве случаев оказываются передаваемыми. Чтобы не занимать лишнее место, обращаем читателей к двум статьям В.К. Ланчикова, обстоятельно иллюстрирующим алгоритмы воспроизведения в переводе нестандартного: «Топография поиска»²⁸ и «Делайте вашу игру!»²⁹. Во второй из них приводится в том числе пример, когда каламбур, построенный на слове *diamonds* (как метафора для слез в речи проповедника и как карточная масть), не очень профессиональный переводчик счел непередаваемым, снабдив свой перевод сноской: «Игра слов: *diamond* – по-английски “алмаз” и “бубны”». При этом сам автор статьи предлагает такой вариант: «Проповедник страшал прихожан адскими муками, червем неумирающим и огнем неугасающим. Услыхав про червей, другой проповедник, который из чувства профессиональной зависти все время дре-

²⁸ Ланчиков В.К. Топография поиска. Стандартизация в языке художественных переводов и ее преодоление. // Мосты. Журнал переводчиков. №№ 2 (30)–3 (31). – М.: Р.Валент, 2011. – С. 30–38, 21–30.

²⁹ Ланчиков В.К. «Делайте вашу игру!» О передаче каламбуров при переводе. // Мосты. Журнал переводчиков. № 1 (37). – М.: Р.Валент, 2013. – С. 18–30.

мал, вострепнулся и поспешно переспросил: «Черви? А что, черви козыри?». А тут еще настоятель храма как бы сквозь сон, но очень внятно произнес: “Удваиваю”»³⁰.

Как видим, здесь залогом переводимости, или, точнее, передаваемости, является все та же свобода отбора наиболее релевантной информации³¹. Если сведения о проповеди жестко мотивированы контекстом и подлежат передаче в любом случае, то страсть нерадивых священников к картам важна несколько меньше. В крайнем случае их реплики могли бы быть посвящены чему-то другому неуместному и мирскому. Наконец «алмазы» и «слезы» в проповеди и «бубны» в полусонных возгласах вполне второстепенны и легко могут быть принесены в жертву более ценной информации. В.К. Ланчиков выделяет три алгоритма и три степени близости при воспроизведении авторского: передача всего вплоть до формальной стороны приема, передача конструктивного принципа (при изменении формальной стороны) и передача только коммуникативного эффекта путем компенсации³².

Важно подчеркнуть, что, даже если конкретный переводчик не обладал достаточным умением, кругозором или временем, чтобы найти вариант с червем (или, например, вложить в уста проповедника что-то о пиках и т.п.) и капитулировал, подобное явление все равно не стоит считать непередаваемым. Оно может быть переданным в данном тексте, но передаваемым в теории.

³⁰ Ланчиков В.К. Там же. – С. 21.

³¹ О свободе отбора КРИ пишет и У. Эко: «Любой перевод намечает окраины неверности вокруг ядра предполагаемой верности, но решение о местоположении этого ядра и о ширине этих окраин зависит от целей, поставленных перед собой переводчиком» (Эко У. Сказать почти то же самое: Опыт о переводе. – Санкт-Петербург: Симпозиум, 2006. – С. 17).

³² Ланчиков В.К. Топография поиска. Стандартизация в языке художественных переводов и ее преодоление. // Мосты. Журнал переводчиков. №№ 2 (30)–3(31). – М.: Р.Валент, 2011. – С. 30–38, 21–30.

Анализ практики

На наш взгляд, об объективно непередаваемых явлениях можно говорить тогда, когда контекст дополнительно ограничивает свободу переводчика в отборе КРИ. Например, переводчик может иметь дело с тем же каламбуром, но не иметь возможности как-либо заменить его стимулятор и результат (оба термина разбираются в процитированной статье). Типичные примеры такого рода можно найти в аудиовизуальных текстах: кино и мультипликации. Скажем, в мультсериале «Футурама», где действие происходит в далеком будущем, человекообразный краб доктор Зойдберг получает на Рождество открытку от своего двоюродного брата с подписью “Santa ‘CLAWS’ Cousin Zoidfarb”. Более того, на самой открытке нарисован омар в санта-клаусовском колпаке. Зойдберг добродушно смеется и провозглашает: “Instead of ‘Claus’ he writes ‘Claws.’ Now that’s humorous! Today’s comedians could learn from this card!”

Если бы похожий эпизод встретился в книге, у переводчика было бы широкое поле возможностей. Например, он мог бы сказать, что кузен поздравил Зойдберга четверостишием, подписавшись «Омар Хайям». Но в данном случае такое решение вряд ли пройдет, поскольку время произнесения фраз ограничено и на экране отчетливо виден и рисунок, и слова подписи.

Взглянем на этот пример немного с другой стороны. Омофоничность слов *Claus* и *claws* в английском языке относится к метаязыковой информации, которая в абсолютном большинстве случаев, когда речь идет о Санта-Клаусе или о клешнях, не является релевантной, а потому безболезненно опускается. Но в данном случае контекст жестко мотивирует этот метаязыковой нюанс, что лишает переводчика необходимой для передачи подобной игры свободы действий.

Проблемы того же самого рода возникнут у переводчика, который решил бы перевести кроссворд. Вопросы — если пока оставить за скобками возможные культурные расхождения в их формулировке — перевести довольно легко, однако эта работа окажется бессмысленной, если вспомнить, что ответы, даже если на ПЯ они тоже окажутся отдельными словами, будут состоять из другого количества букв, которые не будут совпадать на пересечениях. Длина и буквенный состав слов тоже относятся к разряду метаязыковой информации, которая, как правило, для коммуникации не важна, а потому в переводе ею можно пренебречь. Но в случае кроссворда она мотивирована контекстом — формой сетки. Теоретически перевести кроссворд можно было бы при помощи комплексной компенсации, но это по сути означало бы создание кроссворда на ПЯ заново, и в таком случае, на наш взгляд, текст логичнее считать непереводаемым.

Разумеется, кроссворды обычно никто не переводит, но нас как раз интересует весь спектр возможных текстов: от инструкций к утюгам и кредитных договоров до предсказаний в китайских печенках. И тот факт, что одни типы текстов постоянно переводятся с отличными результатами, а другие как бы для перевода не годятся вовсе, составляет, на наш взгляд, один из интереснейших аспектов избранной нами темы.

Еще один характерный разряд примеров, который вписывается в ту же категорию, — это тексты, в которых значительную роль играет территориальный диалект³³. Если текст целиком написан на территориальном диалекте, как родном для автора, это особой сложности не представляет, поскольку диалектные осо-

³³ См. также Рецкер Я.И. Передача контаминированной речи в переводе и роль традиции. // Мосты. Журнал переводчиков. № 4 (48). — М.: Р.Валент, 2015. — С. 8–16.

бенности в этом случае будут для коммуникации нерелевантны. Непередаваемым диалект станет в том случае, если его территориальная принадлежность будет использована именно как объект изображения (например, в художественном тексте). Практика и научные исследования³⁴ показывают, что при передаче территориального диалекта в переводе возможно сохранить – помимо, разумеется фактического смысла выраженных на диалекте высказываний – самое большее регистр (как правило, сниженный). Если задачей показать провинциальность, недостаток образования говорящего замысел автора исчерпывался, то подобную передачу можно считать полноценной. Если же, по условиям текста, важно было именно региональное происхождение говорящего – то есть опять же метаязыковая характеристика, – то эта информация в переводе неизбежно будет утрачена³⁵.

Взять хотя бы сборник рассказов Р. Киплинга «Три солдата» – девятнадцать историй об армейской жизни троих неразлучных ловкачей: Малвени, Леройда и Ортериса. Примечательно, что первый из них – ирландец, второй – йоркширец, а третий – типичный кокни. Образы персонажей получились реалистичными не только потому, что автор наделил каждого присущей их социальной группе чертой (Малвели-ирландец постоянно напивается, Ортерис-кокни то и дело вспоминает свой Лондон, а Леройд-йоркширец очень медленно говорит), но и поскольку использовал весь диапазон языковых средств, указывающих на речевые привычки жителей конкретного региона. Очевидно, что при переводе рассказов на русский язык трудности в первую очередь

возникли с передачей диалектов. К примеру, Ортерис укоряет друга-ирландца, мол, им пива принесли, а ирландец делает вид, будто к пиву равнодушен. Если по реплике оригинала читатель сразу узнает полюбившегося ему лондонца, то в переводах приходится довольствоваться речью, не закрепленной за конкретным региональным типом.

R. Kipling. The Madness of Private Ortheris

Well, 'e won't be none the worse for bringin' liquor with 'im. We ain't a file o' Dooks. We're bloomin' Tommies, ye cantankris H Irishman; an' 'eres your very good 'ealth!

Пер. Е. Чистяковой-Вэр

Ну что же. Ведь и пиво будет не лишним. Мы не утки. Мы brave солдаты, брюзга-ирландец. Ваше здоровье!

Пер. Н. Рахмановой

Ну уж, раз принес, не откажемся. Что мы с тобой за гуси такие, мы просто два пропавших томми, брюзга ты ирландская. За ваше здоровье!

В более ранней работе³⁶ один из авторов статьи предлагал разделить передаваемую в переводе информацию на ситуативную, экспрессивно-оценочную, ассоциативно-образную и стилевую. Там же было сказано, что ситуативная информация обычно «приносится в жертву» другим видам, если они играют в тексте заметную роль (вышеприведенный пример с заменой *diamonds* на «червей» как раз этот принцип иллюстрирует). Однако наблюдается и обратный процесс. Так, фразу “‘He doesn't know from anything,' she said” можно передать как «‘Он ничего не знает”, – сказала она с

³⁴ См., например: Яковлева М.А. Компенсация при передаче стилистически сниженных высказываний на разных уровнях текста. Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008.

³⁵ Сходные идеи выражены в указанном сочинении В.В. Сдобникова и О.В. Петровой на стр. 131.

³⁶ Бузаджи Д.М. Векторы смысла. О функциональном подходе к переводу. // Мосты. Журнал переводчиков. № 3 (19). – М.: П.Валент, 2008. – С. 43–59.

Анализ практики

еврейским акцентом»; фразу “Get your ass over here!” передать как «Иди сюда!» и ввести словами: «Сказал он грубо», и т.п.

Теоретически подобная тактика — имплицитной неситуативной информации — может помочь в тех случаях, когда текст строго мотивирует метаязыковые сведения. Но если таких случаев окажется слишком много, то в результате этой «эксплицирующей эрозии» текст начнет смещаться от авторского к общезыковому и от эстетической, экспрессивной или апеллятивной функциональной доминанты к референтивной (информативной), а значит, переводимость будет ограничена.

Неопределенность мотивировки

«...Принцип переводимости не может распространяться на различные формалистические эксперименты и трюки, лишенные содержания или нарочито затемняющие его предполагаемый смысл, на различную заумь, на произведения, представляющие распад формы», — отмечал А.В. Федоров³⁷. Как мы попытались показать выше, для перевода необходима избыточная информация, считываемая, но не являющаяся коммуникативно релевантной (или, по крайней мере, имеющая относительно небольшую релевантность). С наличием такой информации тесно связано другое требование — необходим «зазор» между формой и содержанием. Можно даже сформулировать принцип, согласно которому подлежит переводу только то, что можно перефразировать (или, пользуясь терминологией Якобсона³⁸, переводу

межъязыковому подлечит только то, что подлечит переводу внутриязыковому).

Таким образом, степень переводимости текста снижается также по мере того, как в нем нарастает количество явлений, не поддающихся более или менее объективной интерпретации и, как следствие, перефразированию. Мы, безусловно, отдаем себе отчет в том, что полностью объективная интерпретация того или иного текста, неизменная для любого реципиента, является лишь идеальным конструктом, недостижимым на практике³⁹. При предъявлении достаточно большому количеству реципиентов расхождения будут наблюдаться даже при восприятии самых простых сугубо информативных текстов, не содержащих авторских элементов. И тем не менее на практике нетрудно провести границу (пускай даже размытую, как между всеми естественными категориями), отделяющую тексты и явления, относительно легко интерпретируемые и пересказываемые — причем узнаваемые в этих пересказах, — от текстов, для которых даже построение индивидуальной интерпретации весьма затруднительно.

Оговоримся, что в эту категорию мы не включаем тексты, плохо написанные, изобилующие нарушениями нормы и зууса и т.п., но достаточно точно интерпретируемые с привлечением широкого контекста⁴⁰.

Непередаваемые явления этой категории могут встречаться как в изолированных фрагментах текста, так и формировать текст в целом. Так, «Начало очень хорошего летнего дня» Д. Хармса, несмотря на абсурдность происходящего (или

³⁷ Федоров А.В. Указ. соч. — С. 125.; сходные идеи выражены в работах: Steiner G. After Babel: Aspects of Language and Translation. — Oxford University Press, 1975. — P. 296; Эко У. Указ. соч. — С. 364.

³⁸ См. Якобсон Р.О. О лингвистических аспектах перевода. — Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: Сборник статей. — Вступительная статья и общая ред. перевода В.Н. Комиссарова. — М.: Междунар. отношения, 1978. — С. 16–24.

³⁹ См. Псурцев Д.В. Смыслоформирующий аспект образно-ассоциативных компонентов художественного текста (на материале англоязычной литературы). Дисс. ... докт. филол. наук. — М.: 2001. — С. 267.

⁴⁰ Подробнее об этом см.: Бузаджи Д.М. Перевод коммуникативно неполноценных текстов как теоретическая и практическая проблема. // Мосты. Журнал переводчиков. № 2 (38). — М.: Р.Валент, 2013. — С. 49–59.

даже взгляда на происходящее) интерпретируется довольно легко, за исключением выражения «сделать тепель-тапель»: «Но Комаров сделал этой бабе тепель-тапель, и баба с воем убежала в подворотню». Контекст намекает, что действие это агрессивное, и неслучайно в английских переводах этого фрагмента встречаются варианты: *gave this woman a swift left-right*, *gave her a quick slap* и даже *beat up the woman*. Однако содержание здесь отнюдь не так однозначно, как полагают авторы этих переводов (особенно второго и третьего), а форма гораздо теснее связана с содержанием, чем в обычной фразе.

Однако, если в вышеприведенном примере относительно удачное решение еще можно найти, гораздо более серьезные трудности встанут перед переводчиком, например, заумных стихов, таких как «Бобэоби...» и «Крылышка золотописьмом...» В. Хлебникова.

Бобэоби пелись губы,
Вэоми пелись взоры,
Пиэо пелись брови,
Лизээй – пелся облик,
Гзи-гзи-гзэо пелась цепь.
Так на холсте каких-то
соответствий
Вне протяжения жило Лицо.

Крылышка золотописьмом
Тончайших жил,
Кузнечик в кузов пуза уложил
Прибрежных много трав и вер.
«Пинь, пинь, пинь!» тарарахнул
зинзивер.
О, лебедиво.
О, озари!

После первого прочтения с уверенностью можно сказать лишь то, что одно стихотворение — это рассказ о некоем Лице из нематериального мира, а другое — о живущем на берегу кузнечике. Дальнейшая интерпретация может показаться как вполне убедительной («бобэоби» мотивировано «звуковым представлением движе-

ния губ»⁴¹), так и крайне спорной (в строке «“пИНЬ, пИНЬ, пИНЬ!” ТАРАРАХНУЛ ЗИНЗИВЕР» зашифровано имя Разина⁴²). Комментарии же самого автора только усложняют задачу. Так, деепричастие «крылышка» оказывается «потому прекрасно, что в нем, как в коне Трои, сидит слово “ушкой” (разбойник)». А оба эти стихотворения В. Хлебников называет «узлами будущего — малым выходом бога огня и его веселым плеском»⁴³.

Выстраивается любопытная классификация случаев непереводимости, связанная с наличием в тексте КРИ и ее характером. В первой описанной нами категории речь шла о столкновениях разноплановой КРИ, строго мотивированной контекстом. То есть для переводчика не составляет труда понять, что именно релевантно и почему, но контекст таков, что необходимой для перевода «свободы маневра» он не оставляет. Мотивированность информации оказывается повышенной, слишком определенной.

Во второй же категории мотивированность, напротив, недостаточная: переводчик или не видит КРИ вообще, или вынужденно приходит к выводу, что коммуникативно релевантным в тексте является абсолютно все: от значений отдельных слов, до их внутренней формы и звуковой оболочки. В обоих случаях перевод, понимаемый с позиций функционально-коммуникативного подхода, невозможен⁴⁴.

⁴¹ Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. — М.: Наука, 1977. — С. 313.

⁴² Вроон Роналд. «Кузнечик» Велимира Хлебникова: искусство словесной двусмысленности. — Новосибирск: Изд. НГПУ, 2008.

⁴³ Хлебников В. Собрание сочинений в шести томах. Т. 1. — М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000. — С. 8.

⁴⁴ Несколько иначе считают В.В. Сдобников и О.В. Петрова: «... Установка автора оригинала на формалистические трюки и заумь относится к тем факторам, которые препятствуют полной переводимости, что не означает принципиальной невозможности перевести подобные тексты» (Сдобников В.В., Петрова О.В. Указ. соч. — С. 134).

Исходя из этой логики, мы предлагаем внести во вторую категорию и те случаи, когда переводчик в силу объективных обстоятельств не может выделить в тексте КРИ из-за специфических отношений между текстом оригинала и потенциальными реципиентами перевода. Представим себе, что некое издательство обратилось к переводчику с просьбой перевести с английского языка на русский справочник по практической стилистике английского языка (пример вполне реальный). Задача, на наш взгляд, невыполнимая, поскольку использовать этот текст по назначению могут только те, кто владеет английским языком, а значит, перевод им не нужен в принципе. В крайнем случае переводчик может создать филологический труд, описывающий особенности английского языка для тех, кто им не владеет, примеры оставить в исходном виде и снабдить их дословными переводами и подробными комментариями, но назначение, функция текста в таком переводе станет другой.

Анализируя текст оригинала, переводчик, придерживающийся функционально-коммуникативного подхода, отбирает КРИ не случайным образом и не для себя лично, а для потенциального реципиента, образ которого он так или иначе держит в голове. Если же текст таков, что для него в культуре ПЯ реципиента нет, то мотивированность КРИ окажется недостаточной: не будет понятно, что и зачем

в переводе сохранять. Так, например, невозможно будет отобрать КРИ при гипотетическом (хотя очень похожем на весьма реальные проекты) переводе с русского языка на английский словаря пословиц и поговорок В.И. Даля. Этнографу, возможно, будет важен только фактический смысл, концептуальное наполнение этих изречений. Лингвисту — специфические языковые явления, но оценить пословицы как таковые может только человек, владеющий языком, на котором они написаны. При этом, разумеется, с передачей пословицы, включенной, например, в текст романа, особых трудностей не возникает, поскольку контекст достаточно определенно мотивирует КРИ и показывает, важно ли фактическое содержание (и какой именно его аспект), важна ли «фольклорная» сторона, важен ли тот факт, что говорящий отделяется расхожими выражениями, и т.п.

Таким образом, если подытожить все вышесказанное, мы предлагаем связывать непереводаемость текста с невозможностью объективно выделить в оригинале и воспроизвести в переводе КРИ. Это, в свою очередь, может быть продиктовано как повышенной определенностью мотивировки, когда на роль КРИ претендуют слишком многие разноплановые явления, так и неопределенностью мотивировки, когда КРИ невозможно вычленишь вообще или ее невозможно отобрать с учетом предполагаемых реципиентов перевода.